

18+

АЛИСА-НАТАЛИЯ ЛОГИНОВА

ДИНА САБЛИНА

Чужое счастье

в деревенском пейзаже

Алиса-Наталия Логинова

**Чужое счастье
в деревенском пейзаже**

«Издательские решения»

Логинова А.

Чужое счастье в деревенском пейзаже / А. Логинова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536793-8

Тридцатилетние Ася и Рома окончательно и бесповоротно разводятся. Прошла любовь, зачихали помидоры, мы чужие друг другу, отдай мои тапки. Пока Рома забирает из квартиры вещи, а Ася ищет свидетельство о браке, объявляется мать Аси, невыносимая и харизматичная одновременно Маргарита Феликсовна, которая требует, чтобы все немедленно бросили разводиться и поехали искать клад — и нет, она не сошла с ума. Ася и Рома отправляются на поиски сокровищ, прихватив с собой новых возлюбленных, друзей и шашлыки.

ISBN 978-5-00-536793-8

© Логинова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
К чёрту панголинов!	6
Глава 2	12
Великолепная Эстер	12
Глава 3	17
Рыцарь без доспехов	17
Глава 4	22
Тореадор, тореадор, или Маргарита Феликсовна находит тетрадь	22
Глава 5	27
Люди и рыбы	27
Глава 6	32
О любви к родному краю	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чужое счастье в деревенском пейзаже

Алиса-Наталья Логинова

Дина Саблина

© Алиса-Наталья Логинова, 2025

© Дина Саблина, 2025

ISBN 978-5-0053-6793-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зарево осветило даже лес. И дым.

Потрескивало и пахло гарью, временами что-то свистело и вроде бы даже выстреливало. Совсем как эти глупые новогодние петарды, которые давно пора запретить. Что могло выстреливать из этого дома?

– Маргарита Феликсовна, вы бы отошли. Долетает же... – Рома всучил мне воды.

– Мальчик мой, ты предлагаешь мне тушить пожар из этой бутылки?

– Мама! Ну что за глупости! – возмутилась дочь и попыталась меня оттащить.

– Все мои мечты, – завела я, отходя. – Все чаяния горят!

– Синим пламенем, – добавила Ася.

– Синим пламенем, – согласилась я. – Как теперь я встречу старость? С чем останусь на закате жизни?

– Мама, это даже не твой дом!

Пламя было рыжим. За минуту охватило сразу все стены, словно кто-то смазал домик чем-то горючим. Из окон летели искры.

Здесь бы фильм снимать. Интересно, золото горит?

Потолочная балка рухнула, и огонь взмыл над крышей.

Глава 1

К чёрту панголинов!

Когда в двери заскрежетал замок, Ася была готова.

Она быстро посмотрела на себя в зеркало и поправила чёлку. Выстригла недавно рваную и теперь всё время мучилась, закалывая её на работе: неровные пряди то и дело выбивались из всех заколок и лезли в глаза. Эти пряди совсем не помогали Асе сделать из себя самого настоящего финансового директора, и она немного переживала, что повредила новой причёской старое реноме.

Но главный – Анатолий Петрович – ничего не заметил. Он вообще не любил смотреть на Асю: она напоминала ему про всякие неприятности вроде непогашенного рекламного кредита.

А чёлка сейчас была просто необходима. Во-первых, Ася себе с ней очень нравилась: глаза стали вроде как больше и темнее. Волосы, что Асю немного удивляло и радовало, тоже стали темнее и объёмнее. Во-вторых, чёлка, понятное дело, было символом нового начала. Пусть он всё увидит! Не кончилась Асина жизнь из-за того, что Ромка сейчас заберёт все выставленные ею вещи и уйдёт навсегда.

Думать об этом было неприятно, и Ася ещё раз поправила чёлку, разметала её по лицу и выдвинула к центру стола большой букет. Славка вчера притащил ещё один, но тот уже ни в какую вазу не лез, и она оставила его в ванной.

Ася одёрнула шорты и майку: всё же она не собиралась никого соблазнять. У них давно ничего не было; как в тех самых браках, про которые они всегда думали, что уж с ними такого никогда не случится. Да и она не выглядела в шортах как положено: все эти правила про то, что у женщины должно быть выпукло или, наоборот, костляво, на Асе не работали. Она была не похожа на свою изящную мать – крупные, как там, кости? В общем, никакой прозрачной хрупкости, и при этом совсем не выдающиеся грудь и попа. Зато у Аси были ноги, их как раз хорошо было видно в шортах. Глаза и ноги – не так уж мало! Можно даже привлечь мужчину.

Роман уже топтался в коридоре. Ася слышала, как он пытается разуться, не опрокинув поставленные друг на друга коробки.

– Аська, ты дома? Или тебя нету?

Она медленно выдохнула с присвистом, попробовала придать себе независимый вид и вышла в коридор.

– Дома. Всё сразу заберёшь? У твоей Эсфирь машина есть?

– Эстер.

– Да мне наплевать, – сказала Ася и пожалела. Она прекрасно помнила, как зовут подругу Романа, потому что та уже как бы жила с ними ещё до того, как официально стала его подругой. Ася слышала её имя так часто, что прекрасно помнила – Эстер. Эстер, а никакая не Эсфирь.

– Знаешь, ты иногда очень похожа на мать, – сказал Роман.

Он сказал это специально, и Ася точно знала зачем. Обычно с этого начинались их ссоры, которые всегда кончались одинаково.

Бурным примирением.

– Будешь кофе? – спросила она.

– Я не пью кофе!

Ася и это знала прекрасно. Кофе она варила всегда только себе, а сейчас ещё Славику – но для него нужно было варить кофе специальным образом и только тот, который тому прислал старый приятель отца из какой-то далёкой страны, Ася забыла откуда. Только такой

кофе считался идеологически верным и максимально полезным. Весь остальной – опасным, особенно в деле вымывания кальция из организма.

Рома вымывания не боялся, но кофе на него действовал странно: он начинал кашлять и задыхаться. Первый раз Ася ужасно испугалась и вызвала врача. Никакой аллергии не обнаружили, и сердитый врач сказал, что он не нанимался приезжать к симулянтам.

– Я могу налить чай.

– Не надо. Меня ждут, – сказал Роман и отвернулся.

Затея с букетом, который Рома должен был увидеть, провалилась. Ася надеялась, что она не выглядит несчастной и брошенной, но всё время хотела это как-то сильнее продемонстрировать. Просто потому, что при разводе всегда принято жалеть женщину. Особенно если мужчина уходит к другой, юной и прекрасной. И совсем неважно, что у самой разведённой тоже имеется молодой любовник (очень молодой, на пять лет младше Аси!). А ей уже тридцать! И жалеть всё равно будут только её, а не Рому.

– Как поживают панголины? – спросила Ася.

Роман стоял в коридоре разутый и смотрел на коробки, словно прикидывая, с которой начать, чтобы уже окончательно выехать из квартиры.

– Что ты сейчас-то начинаешь? – разозлился он и посмотрел, наконец, на Асю.

– Я не начинаю, Ром. Просто это как-то... странно. И чёртово свидетельство не находится...

– Оно точно где-то в квартире. Найдётся.

Роман плюхнулся на обувную полку, как делал всегда и очень этим Асю раздражал. Славик никогда не садился на полку; он пыхтел, кряхтел и всегда очень долго возился с обувью. Он был такой огромный для маленькой прихожей, что Ася беспокоилась, не снесёт ли Славик вешалку со стены. Он справлялся и не сносил. Но кряхтел и сопел очень громко. Ася запрещаала себе раздражаться: всё же в период конфетно-букетного периода раздражения противопоказаны. И надо работать над собой, чтобы не остаться разом без мужа и любовника. Тогда её точно будут жалеть, и никто не вспомнит, что она второй человек в компании, а то и первый, ведь без её согласия Анатолий Петрович вообще ничего делать не будет.

Роман сидел на полке. Над его головой болтались шарфики – всё остальное Ася с вешалки спрятала в шкаф, иначе бы он откинулся на стенку и закопался в её пальто. Он всегда так делал, утверждая, что она со всеми пальто пахнет одинаково.

Они помолчали.

– Давай твой чай, – сказал Роман, поднялся с полки, зачем-то отряхнул зад и стал пробираться между расставленными коробками.

Ася набрала воздуха и попробовала выдохнуть медленно и бесшумно.

– Выдыхай, бобёр, – привычно сказал Ромка, и Ася привычно улыбнулась.

Но тут же одёрнула себя. Всё. Ничего привычного между ними быть не может: они сегодня разъезжаются, а через месяц окончательно разведутся (если, конечно, Ася найдёт это чёртово свидетельство о браке. Куда оно могло запропасться?!). И сразу после этого они станут друг другу чужими людьми. Давно стали. И ей не интересно, говорит ли Рома про бобра Эстер.

На кухне она наткнулась взглядом на букет, который специально выстраивала композиционно, чтобы Ромка уж точно его увидел, и покраснела. Не поворачиваясь к почти совсем бывшему мужу, она поставила на плиту чайник, достала чашки и облепиховый джем. Хотелось занять руки чем-то ещё, но она так готовилась в смысле причёски, букетов и футболки с шортами, что совсем не подумала о еде к чаю. Ну и ладно! Она же не обязана теперь его кормить, правда?

Ася повернулась. Роман сидел на своём любимом стуле и разглядывал букет.

– Шикарно, – оценил он, и Ася разозлилась:

– Нам обязательно вести себя так?

– Не знаю. Я вообще не знаю, как себя вести, Ась.

Ей очень хотелось сесть напротив и поговорить. Как же так получилось? Неужели панголины могли так сильно помешать? Или её доходы? Почему они сидят на их общей кухне в последний раз и совсем не знают, как вести себя друг с другом.

Но она знала, что они уже говорили об этом. И про панголинов, и про доходы, и про то, что жить так дальше невозможно и надо, конечно, расходиться.

И всё складывалось хорошо. Роман быстро съехался с Эстер. Делить им почти нечего.

Только не ясно, как прямо сейчас поменять Романа на Славика.

Это же не стулья переставить.

Конечно, их даже сравнивать не приходится. Весь пыл, который Роман тратит на спасение животных, Славик изливает на Асю. Он всё делал ровно так, как было написано в многочисленных романах о неземной любви, которые Ася почитывала тайком от Ромы. Славик водил её в кафе, дарил цветы, подавал руку, соблюдал правила следования в лифты и подъезды, придерживал двери и дверцы, раскрывал зонт, готов был смотреть мелодрамы вместо программ на канале Nat Geo Wild. Асе даже иногда казалось, что Славик сам себе вечерами ставит «зачёты» по уходу за животными в тайную книжку.

– Аська, – позвал Роман.

– Что?

Она всё ещё избегала смотреть на него. Не понимала, как сделать так, чтобы он стал чужим. Чтобы она чувствовала его посторонним, чтобы не хотела рассказать ему смешное. Тем более про Славку! Славик же не виноват, что бывший муж никак не станет для неё незнакомцем.

Дело в том, решила Ася, что не было никакого большого предательства. Роман оставался отличным человеком – просто перестал быть самым лучшим для Аси. И скоро она, конечно, смирится с тем, что он чужой.

– Надо было мне без тебя вещи забирать. Но это же глупо, да?

– Глупо.

Они помолчали.

– Мне звонила твоя мать. Ты не знаешь, чего там у неё случилось?

Ася подскочила и бросилась искать телефон. Опять Марго! Ну сколько можно?! Она сейчас же, немедленно всё ей скажет! Чтобы она больше не смела звонить Ромке, чтобы больше не вмешивалась в их жизнь... В её жизнь! Вечно её матери до всего есть дело. И когда она поймёт, что всё кончено?

– Аська, уймись. Будет только хуже, ты же знаешь. Сейчас устроишь ей скандал, и она...

– Снова позвонит тебе!

Роман был прав. Мать будет звонить Роману, чтобы пожаловаться на Асю, расскажет, как они обе без него страдают. Как обычно, начнёт манипулировать, будет собирать их у своего одра и закатывать глаза, поглядывая в зеркало. Требовать ухи и расстегаев. Снова расскажет, как плохо обошёлся с ней Игорёша.

– Она привыкнет со временем. Привыкнет и смирится с этим.

«А я?» – подумала Ася, – «Я смогу с этим смириться?».

– Панголины...

– Ася, перестань.

– Вы собрали ваши миллионы на спасение вымирающих? Эстер с тобой поедет?

– Эстер не может, – разозлился Роман. – У неё ещё магистратура.

Ася покивала. Магистратура – это важно. Активы компании – вот что было ерундой. Активы компании и желание ездить в отпуск раз в полгода. И милые подарки на праздники, и цветы без повода, свидания в кафе, походы в кино...

Вот почему они расстались. Роман не мог в кино, пока панголины под угрозой уничтожения. А Славик – мог. И в кино, и далее по списку.

– Конечно, – сказала Ася вслух. – Магистратура. Образование! Специальное – для спасения панголинов?

Роман вскочил и вернулся в коридор, свалив по дороге одну из коробок.

– Я заберу всё завтра, когда ты будешь на работе.

Он взял одну коробку, подумал и взял ещё одну, приткнув сверху. Придержал подбородком, сгорбившись.

Ася подошла поближе, осторожно огибая коробки и то, что теперь валялось на полу, подошла к Роме. Поправила коробку, которая норовила упасть, и отошла.

– Может, ещё одну тебе пристроить?

– Не надо, Ася.

– Как знаешь.

Роман сделал странное движение – почти наклонился к ней, словно хотел поцеловать. Он так давно не целовал её, что она уставилась ему прямо в глаза, испугавшись. Коробка поехала, Роман подхватил её половчее и выпрямился.

– Теряешь хватку, Ася. Так себе ссора. На три балла.

И вышел. Ася послушала, как он спускается по лестнице, немного ругаясь под нос: коробки загораживали обзор, и он, судя по звукам, часто промахивался и ставил ногу мимо ступени.

Она закрыла дверь, посмотрела на полку, где сидел Роман, и стала собирать содержимое коробки обратно.

Больше делать было нечего.

Славика она изгнала, сообщив, что сегодня ей надо выставить бывшего мужа. Возлюбленный громко повздыхал, поцеловал ей руку – трижды – и отбыл на тренировку. Тренировки были частью жизни Славика.

Тренировки и ещё борьба за права потребителей. Славик не давал Асе просто что-то купить. Он всегда очень долго изучал аннотацию, выяснял состав, гуглил отзывы о бренде и только потом, три раза уточнив, какой срок возврата и гарантия, позволял Асе заплатить. Ася и об этом однажды чуть не рассказала Ромке, но вовремя сдержалась. Так нельзя!

Планировалось, что завтра он начнёт въезжать. Начнет, потому что он рвался, разумеется, а Ася была немного не готова, но никак не могла ему в этом признаться.

Славик её любит. Водит в кафе и в кино. И всегда дарит цветы. Только со Славиком Ася стала подозревать, что цветы – не то, что она всегда про них думала. Зачем, например, ей цветы в кино? Букеты украшали почти все комнаты в квартире; она не успевала их выкидывать, таскала на работу и чувствовала себя немного глупо. Ну что ей было делать с таким количеством цветов? Впрочем, Ася точно знала, что пресекать цветочную инициативу нельзя! Потом от мужчины не дождёшься даже комплимента. Об этом очень подробно писала одна блогерша, читать которую Ася любила с Васькой под вино. Однажды она попробовала почитать пост Славiku, но он ничего не понял. И долго потом приставал к Асе, уверенный, что она с умыслом процитировала пассаж, начинающийся с «готовить в семье должен только и, исключительно, мужчина».

Славик относился ко всему очень серьёзно. К выбору букетов, просмотру фильма, тренировкам и борьбе с несправедливостью. Но самое главное, напонила себе Ася, он серьёзно относился к ней! Был готов прийти на помощь, подставить плечо, решить все проблемы и поцеловать руку. Трижды!

– И вовсе я не скучаю по мужу, очень надо! – сказала Ася коробке и решила вызвать Ваську.

С Васькой – Василисой конечно, но так её редко звали – всегда было очень хорошо. Она знала, где смеяться, и вообще была крайне смешлива. Правда, Славика она невзлюбила с первого взгляда. Сначала Ася предполагала, что всё из-за симпатии Васи к Роме, но потом поняла, что двух людей, более непохожих друг на друга, чем Васька и Славик, сложно было представить.

Вася считала, что не следует никого улучшать и подстёгивать к самосовершенствованию, а следует людей любить, дружить и, если есть возможность, помогать – особенно всяким безнадежно несовершенным. Испытывая симпатию к большей части человечества, Вася легко вливалась в любую компанию; Славик же не слишком любил общаться с теми, кто не разделял его взглядов на смысл жизни. Взгляды состояли в том, чтобы стать лучшей версией себя. Не сдаваться, не бежать, не просить, не плакать. И что-то ещё не делать (Ася всегда забывала).

Так что найти общий язык Вася со Славиком так и не смогли. Особенно на фоне нового увлечения Васи сверхъестественным, которое можно было при надобности склонить на свою сторону и получить желаемое не путём упорного труда, а используя вымышленные субстанции.

Васька приехала очень быстро. С вином! Она была вся мокрая, на улице шел дождь, а Васька терпеть не могла зонты и никогда ими не пользовалась. Высохнет само, считала она, и в отличие от Аси, никогда от холода не простужалась.

– Так, а что это тут у тебя? Я думала, мы празднуем уход всего старого и приход всего нового. И молодого. Кстати, – Васька опасно вытянула голову в сторону кухни, – надеюсь, тут нет никого? Особенно нового?

Она почти по-собачьи встряхнулась, и брызги разлетелись по всей прихожей, а на голове подруги получилось гнездо. Васины волосы, и без того ужасно непослушные, вечно лезли ей в лицо, а уж при повышенной влажности и вовсе начинали жить собственной жизнью. Кудри от дождя завились ещё туже и превратились в упругие пружинки, торчащие во все стороны. Вася посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась отражению.

– Заходи уже!

Васька небрежно обогнула коробки, нежно прижимая к шикарнейшей груди две бутылки вина. Как истинная лучшая подруга она понимала, что праздновать одной бутылкой не стоит даже и начинать. Длинная, «цыганская» Васькина юбка была мокрой до колена и браслеты мелодично клацали, когда задевали бутылки. Васька любила шумом обозначать своё присутствие.

– Ну просто я решила у тебя ночевать, чего в ночи метаться, да? Тем более, после вина я могу свернуть не туда и покатиться по наклонной, а мне некогда совершать моральные падения и разложения, у меня завтра отчёт.

Вася затормозила возле последней коробки и добавила:

– Ты обряд провела? С вещами надо попрощаться, разорвать психологическую и энергетическую связь, чтобы ни о чём не жалеть! Сейчас тебя научу... только хорошо бы список иметь, или придётся коробку разворошить.

– Боже мой, Вася, пойдём уже пить про мою горькую долю! Какая ещё связь, это же Ромкины вещи, а не мои. Нет у меня с ними никакой связи!

Васька покивала, словно наслаждаясь тем, как при этом подпрыгивают её необыкновенные волосы, и прошла на кухню. Хмыкнула, увидев композицию на столе: две пустые чашки и розетка с джемом. Она пристроила бутылки в самый центр стола и забралась на подоконник:

– Ты, Петрова, смотрю, уже в отрыв пошла! Третьего мужика завела, даже чаю не выпили!

Ася рассмеялась:

– Слезай давай, Васька! Сядь нормально, что ты как...

– Да ладно тебе, разведёнка! Что ты включаешь тут своего нового, ведущего к счастью через насилие и преодоление. Нормально тут! Дождь на улице, красота... Наливай!

Напились они как-то моментально. Ася понимала, что уже совсем пьяна, но не могла остановиться. За окном поливало, смывало следы её прежней жизни. Хорошо бы Ромка забрал все коробки завтра, чтобы уже окончательно...

– Ты представляешь?! Ему панголины дороже собственного ребёнка!

– Какого ещё ребёнка? – удивилась Васька. – У вас же нет детей!

– Конечно, нет! Откуда им взяться, если Ромка спасал панголинов вместе с этой фотомоделью?! Они ещё письмо Дисней писали, чтобы он тоже... Ну не спасал, конечно, а чтобы мультфильм про панголинов сняли, и тогда бы все их полюбили и уничтожать перестали. Ещё это свидетельство пропало куда-то, вот где надо твоих духов привлекать! Я его всё не найду, а Ромка, небось думает, что...

– И что Дисней? – перебила Васька и разлила остатки вина. – Ответил?

– Дисней умер давно, – отмахнулась Ася и одним глотком допила вино. – Закончилось? Совсем? Мы выпили обе? Славик бы не одобрил...

– Ты меня запутала, а кому тогда они писали? Если Дисней умер?! А Славику твоему мы не скажем.

– Славик хороший, – протянула Ася и грустно поискала глазами бутылку. Вдруг они забыли и выпили всего одну, а не две?

– Славик хороший, Дисней умер, ребёнка у вас не было, что ты страдаешь-то?

– Да потому что ему панголины важнее меня!

– Да к чёрту уже его с панголинами! Вы же разводитесь!

– Мы разводимся, – согласилась Ася и разрыдалась.

Глава 2

Великолепная Эстер

Ругаясь разом на себя, коробки, лестницу, жизнь и на весь этот нелепый разъезд в целом, Роман добрался, наконец, к подъезду, нащупал кнопку домофона, толкнул боком дверь и оказался на воле. На воле шёл дождь. Роман посмотрел вверх: там запутавшийся в ветвях ещё новогодний воздушный шар прыгал от ветки к ветке. Они с Асей даже хотели его освободить, но он прочно завис в районе четвёртого этажа – не вызывать же для этого пожарных! И с тех пор хоть и сдулся, но переживал все бури, метели, дожди и даже один ураган.

– Романсон!

Эстер, впрочем, он бы не пережил. Мысленно попрощавшись с шаром, Роман добрался до разваленного ярко-голубого тарантаса советского производства, где его уже поджидали зонт, открытый багажник и активная помощь златовласого торнадо модельного роста и модельной же внешности. Возвышаясь над Романом, торнадо решительно упаковало всё в багажник, с чувством его захлопнуло и влетело на водительское сидение. Роман примостился рядом, лихорадочно захлопывая зонт и пристёгивая ремень, а машина, чихнув и ругнувшись, уже выбралась из родной дворовой ямы, которая демонстрировала способности к выживанию даже после пятой замены асфальта за последние два месяца. Яма, как и воздушный шар, уже стала настолько привычным Роману пейзажем, что его охватила некоторая тоска, когда адская машина описала извилистый путь дворами через весь район и выбралась к проспекту, на котором Эстер уже, не стесняясь, вылетела на крайнюю левую полосу и включила Rammstein. Разгоняясь, обгоняя и кивая в такт, Эстер пела, перекрикивая вокалиста:

– Их ту ди ве-е-е-ер! Тут мир нихт ля-я-я-яйд!! Дас тут дир гу-у-у-ут... да куда ты прёшь, кретин?! В зеркало посмотреть не?! А ляль-ля-ля-ль ди валь дер ква-а-аль...

Роман крепче вцепился в дверную ручку. Он очень боялся примерно всего: что сейчас они непременно разобьются, что жизнь его пошла под откос, что он вдруг начнёт скучать по Асе и будет как в её любимых убогих мелодрамах ошиваться рядом или заявляться на работу с цветами... От одной мысли у него заныл желудок. Да что он такое думает? И о ком? О женщине, которая предпочла ему человека, покупавшего тоннами срезанные цветы – которые, между прочим, начинали умирать ещё до выноса букета из магазина.

К счастью, Эстер цветы были не нужны. Она всецело разделяла его убеждение о том, что это совершенно бессмысленная трата денег, а мягкие игрушки играют в жизни человека роль сборщиков пыли.

– Если ты захочешь сделать мне приятное, лучше угости «Гиннесом» или дай денег, – без обиняков сказала она, когда они подготовили и отправили весь комплект документов – резюме, пачка рекомендаций, сопроводительное письмо – и он испытал непередаваемое желание причинить ей добро. За «Гиннесом» пришлось идти в паб, а из паба они, наконец, перекочевали в её постель – намного позже, чем предполагала Ася, увлечённая своим букетным мерзавцем. То, что он был мерзавцем, не вызвало ни малейших сомнений: кто ещё, спрашивается, будет так настойчиво и неприлично ухаживать за замужней женщиной? Вот ему, Роману, такое и в голову бы не пришло; да ему и изменять Асе пришло в голову только после того, как существование этого «Славика» обрело очертания широкоплечего высокого дебила. Почему Славик непременно дебил, Роман толком не мог объяснить даже себе – собственно, кроме цветов, он про него ничего и не знал, – но ему нравилось так думать, и к тому же Королева Марго (как он, едва познакомившись, стал звать Асину матушку) полностью разделяла

его чувства. Он заметил, что Марго снова звонит, но решил подождать; разговаривать с ней под Rammstein он бы не рискнул, просить Эстер выключить музыку, когда та за рулём, тоже.

– Ромкинс, – приглушив немного боевых немцев, ткнула его локтем в бок Эстер на перекрёстке, – ты что не весел? Она тебя загрузила?

– Нет, – тут же, как мог бодро, отозвался он, поглядывая на её профиль. Дождь кончился, выглянуло солнце и подсветило лучами её лёгкие, пушистые волосы, скользнуло по длинным ресницам, пухлым губам. Такой, наверное, была в юности Бриджит Бардо, когда снималась в «И Бог создал женщину», не подозревая, что на всю жизнь впечатлит этим совсем юного Рому.

– Ну ладно, а то я сегодня к Виталику... Нет, не та песня, – заиграло что-то такое же боевое, но на ещё менее знакомом языке. Зарычал мужик, судя по звукам, распиливая гитару бензопилой. – Думаю, на этом мы с ним закончим. Знаешь, я больше не чувствую, что эти отношения удовлетворяют мои потребности. Думаю переключиться на Антона.

Вот что было в Эстер хорошо – Роман как собеседник ей был не нужен совершенно. Она могла успешно вести диалог со всеми одушевлёнными и неодушевлёнными предметами, предоставляя им отыгрывать отведённую роль.

– Угу, – сказал Роман.

– В Антоне, знаешь, всё-таки есть некоторое внутреннее содержимое. Правда, по большей части, это алкоголь, но! – взмахнула рукой она, заворачивая во двор, – иногда находят мысли.

– Угу.

– Положим, не всегда эти мысли действительно содержательны и оригинальны. И надо признать, что его восприятие гендерных вопросов меня крайне тревожит, – она безупречно припарковалась. Роман привычно позавидовал. – Но с другой стороны, ему хотя бы не присуще стереотипное восприятие человеческой сексуальности, что выгодно отличает его от Виталика.

– Виталик заблуждается, – поспешно согласился Роман, выбираясь из тарантаса. В интересах Романа было, чтобы Виталик и все прочие Артёмы, Филиппы и Ахмеды заблуждались как минимум до вывоза всех вещей из квартиры. – Примитивное мышление.

Коробки из багажника удачно закрыли его лицо. Врал Роман так же плохо, как и изменял, а примитивным мышлением обладал сам, поскольку выдающаяся полигамность Эстер вызывала у него презренные собственнические чувства и тоску по примитивным отношениям из двух человеческих особей и не более. Единственной защитой от этого было относиться к Эстер ровно так же, как и раньше, то есть как к верной боевой подруге по спасению мира животных, энергичному деятелю и совершенно ненормальной красивой женщине. Компот чувств, понимание которого было чуждо Асе и в лучшие времена: она почему-то кипятилась от одного упоминания Эстер, как ни пытался он объяснить, что без Эстер... Без Эстер не было бы вообще ничего! Он ваял однотипные страницы для чудо-кремов, чудо-приборов, чудо-тренеров, чудо-курсов, чудо-табуреток и чудо-вантузов, а мир пожирал себя, прокладывая дороги через заповедные леса и джунгли, выливал отходы в Байкал, засыпал пластиком почву и разливал нефть прямо в океане.

– Человек, – горячился Роман, объясняя Асе, – уже даже не царь природы, он её тиран! Он уничтожает всё и всех, до кого только может дотянуться, и зачем?

– Выдыхай, бобёр, – устало передразнивала его Ася, – что ты мне это говоришь? Мне сегодня и Анатолий Петровича хватило. Хочешь что-нибудь сделать – так сделай! Или пей уже чай, остыл.

Ася, конечно, была права. Она всегда была права, и всё у неё шло правильным путём. Её драгоценная карьера, например, правильно привела её в финансовые директора, её подруги правильно её поддерживали, а правильный парикмахер делал правильную стрижку в соответствии с её пожеланиями. Неправильными у неё были только он и Королева Марго, из-за чего

он сходу проникся к ней симпатией, которая, если верить анекдотам, так же была совершенно неправильной. У него появилась та самая тёща, встреч с которой он должен был всячески избегать, а вместо этого он по-детски обожал все её громогласные явления, страдания, шумные и драматические жалобы на мужа, резинового кальмара в ресторане и не устроившую Маргариту Феликсовну уровнем актёрской игры Катерину в «Грозе». Он прекрасно понимал, почему на Королеву Марго и в далеко не юном возрасте слетались мужчины: каждая их встреча всегда в большей степени была театром одного актёра, вернее, актрисы, но какой!

Ну и, конечно, полная противоположность зарабатывающей деньги и должности Асе, Марго работать не желала принципиально, и, кажется, ни одного дня так и не работала, при этом совершенно не страдая угрызениями совести. Справедливости ради она всегда была готова помогать им материально, и даже эта несчастная съёмная двушка вполне могла бы быть их собственностью – но тут вступали какие-то своеобразные представления Аси о справедливости. Даже нет – правильности. Покупать жильё на деньги матери – вернее, на деньги её мужей – было, согласно этим представлениям, неправильно, а правильно было выплачивать ипотечный кредит двадцать пять лет, а ему – найти себе более доходную работу, что не то чтобы ставилось в качестве ультиматума, но подразумевалось.

Рядом с Марго ему ещё сильнее хотелось жить просто и совершенно неправильно. Погасить кредит чужими мужьями. Тратить все свободные деньги на то, что было действительно важно, вроде экологической катастрофы. И чтобы Ася уже не ночевала на работе, а так же расслабленно попивала кофеёк, разве что не в шёлковых блузах, а в футболке. Пусть они бы, как раньше, когда всё только начиналось, проводили вечера, валяясь в постели, занимаясь любовью или глядя вместе новые серии «Доктора Кто».

– Ну что, за остальным потом? – Эстер оглядела коробки и чмокнула его в макушку. Он засмеялся. Лилипутом он не был, но все бывшие, включая – теперь включая – Асю такой трюк бы не провернули.

– Романеско, я поехала. Виталийсон уже завалил меня смсками о невыносимом одиночестве. Ненавижу.

– Одиночество?

– Манипуляции. Классический приём для вызова жалости к несчастной жертве, замаскированный призыв развлечь и заполнить своим присутствием внутреннюю пустоту, которая, меж тем, не должна быть свойственна зрелой личности. Да заткнись уже! – рявкнула она, убирая пищащий телефон в карман, страстно поцеловала Романа, вжав в стенку и пробудив все свойственные несчастной жертве страстного поцелуя желания, и сбежала, оставив душевно взволнованного Романа с коробками барахла посреди коридора.

Из соседней комнаты выглянул полуголый сосед в дредах, радостно махнул рукой и скрылся обратно.

Все тут почему-то были радостные, думал Роман, оттаскивая коробки в соседнюю с Эстер комнату. Комната была совершенно великолепна: стены старого дома не пропускали звуков не то что от соседей по дому, а даже от соседей по квартире, а высокие потолки позволили владельцам повесить гамак. Он влюбился в неё, когда Эстер впервые затащила его в гости: тогда здесь жил один из её парней, которой работал в WWF, и одним этим фактов вызывал у Романа глубочайшую симпатию. В комнате самой Эстер вечно кто-нибудь ночевал – подруги, бойфренды, одногруппницы, однокурсницы, просто милые случайные люди, которым надо было где-то переночевать или выпить, и поэтому обсуждения их вечно происходили здесь. Он сидел на продавленном диване, сосед покачивался в гамаке, а Эстер бегала по икеевскому ковру с паровозиками своими красивыми, длинными, как у Умы Турман, ступнями, вскидывала руки и предлагала решения. Человек-решение была Эстер, и тот самый, которого так не хватало Роману. И что было прекраснее всего, она пёрла «на танк с ножом» в полном соответствии

с четверостишием Губермана, и весь объём бедствий, напрочь парализующий его, у неё сразу пугался, сжимался и превращался в понятные алгоритмы.

– Надо начинать с малого, но замахиваться на великое.

– На Вильяма нашего на Шекспира? – вспомнил классику Роман.

– «Берегись автомобиля!» – послышалось с гамака.

– Бинго!

– Граждане тунеядцы, кто хочет поработать? – возмутилась Эстер. – Перейдём к стройке, то есть к делу. Нужно открыть фонд, но для этого нам нужны навыки и ресурсы. Пока Васисуалий набирается опыта в фонде, а я пишу свою нетленку о римском праве, ты, Ромус, должен прокачаться. Иначе денег нам никто никогда не даст.

Ромус охотно соглашался. Прокачиваться во имя высшей цели – совсем не то, что во имя большей зарплаты, которую всё равно будет поглощать ипотека, и которая всё так же жалко будет смотреться на фоне Асиной. Он прошёл несколько онлайн-курсов, перечитал Википедию, бесчисленное множество раз пал духом, и, поддерживаемый Эстер, вновь духом поднялся. Он даже подал документы и за свой счёт на две недели слетал в принявшую старенького его – как выяснилось, в тридцать уже во многих организациях наступала старость – вьетнамскую команду, где столкнулся с нещадно уничтожаемыми животными, из которых Ася почему-то сильнее всего не любила панголин. Может он больше всего о них говорил? Но не говорить он не мог: жалел этих медлительных ящеров, которые сворачивались в клубок, и могли не бояться почти всех хищников, кроме, наверное, тигра, но никак не предполагали, что человек будет в них стрелять. Нужно было бороться с браконьерами, и вернулся он воодушевлённый; Ася, впрочем, никак не могла ему простить, что он отправился туда в свой отпуск. А когда ещё?

И чего он не связался с Васей?

– Ты уже был с моей подругой, – пояснила днём ранее Василиса, отхлёбывая кофе из поллитровой кружки, – а сейчас уже поздно, музыка на-а-ас связала... то есть деньги.

– Отсутствующие.

– Нет. Да. Смотря какие, – на лице у Васи нарисовалась сложная комбинация чувств, которую затем сменила привычная энергичная озабоченность:

– Так вот, сирот четверо, один с ДЦП...

Вася понимала. В этой вечной попытке хоть что-то исправить и хоть кого-то спасти, она понимала его никак не меньше Эстер – и только Асе ничего из этого понимания не досталось.

– Завтра ещё попробую с кем-нибудь связаться, – он почесал голову, прикидывая, – наверное, уже после переезда.

– Прямо вот всё? – переспросила Вася уныло. – Совсем? Может, после загса?

– Нет уж, – отрезал Роман, – там её этот... возлюбленный... заждался квартиры. Кровать с ортопедическим матрасом, опять же. Ложе любви.

– М-м-м, – протянула Вася и почесала нос. – Теперь и не выпьешь.

– Почему?

Вася снова почесала нос и мрачно отхлебнула остывший кофе:

– Они не пьют. Потреблять алкоголь – значит, осквернять организму понапрасну.

– Что, может, ещё и бегают?

– Может, и бегают. Может, и траву есть начнут с семенами. Токсины выводить. Хотя, по моему, у него там и так чисто, как в операционной.

– В голове?

– Ну там-то точно! Он в неё ест, – мстительно сказала Вася, от чего у Романа несколько потеплело на душе. Оставалось загадкой только, как Ася...

Впрочем, это уже дело былое. Рубикон перейдён.

Теперь всё будет иначе. Он выгрузил вещи из коробок прямо на тот самый икеевский ковёр. Наконец-то новая, осмысленная жизнь. И Ася больше не будет, появляясь, ворчать, что он не спускает деньги на всякую бессмысленную ерунду, вроде походов в ресторан.

Он прошёлся, открыл форточку, улёгся в гамак. Запах индийских палочек, которые зажигал «Васисуалий», словно впитался в стены. Эх, Асе бы тут понравилось! Она любила простор, а в их квартирке два человека с трудом могли разойтись в коридоре. И ковёр она бы оценила, и уж точно гамак. Запрыгнула бы, легла, потянулась и сказала: «Всё. Я буду так жить».

Почему нельзя было просто...

Да ну к чёрту! Он запрокинул голову. В углу потолка свисала паутина. Надо, наверное, убрать. Интересно, что туда достанет, швабра?

Эстер, подумал он. Эстер достанет. Всё и всех. Высокая и сумасшедшая.

Найдёт когда-нибудь себе подходящего сумасшедшего. Он не питал иллюзий на свой счёт. Искусственно состаренное зеркало от пред-предыдущих или пред-пред-предыдущих владельцев не считало нужным ему льстить: залысины такие, что скоро придётся брить голову налысо, чтобы не вызывать у других жалости; не то что не мускулист, а даже не спортивен, к тому же вечно щурится, потому что никак не закажет очки... Нет, у Эстер будет кто-нибудь побрутальней или, в конце концов, в стиле Марго – восхищен ею и богат.

А у Аси, выходит, этот дебил – Славик? Он невесело хмыкнул под нос. Сам он, видимо, останется с панголинами.

Что, в общем-то, отличная компания. Роман вспомнил, как они возят своих малышей на собственном хвосте, их длинные шершавые языки, блестящие умные глаза, и повеселел.

В кармане снова заверещал телефон. Чёрт, совсем забыл перезвонить Марго!

– Мальчик мой, такое ощущение, что ты в Кремле или в космосе!

– Практически, Маргарита Феликсовна, – заверил её Роман, раскачиваясь в гамаке и гипнотизируя паутину. – Что-то случилось?

– Нет-нет, я всего лишь люблю нажимать на разные кнопки. Конечно, случилось! Я нашла клад.

Глава 3

Рыцарь без доспехов

Ася проснулась с шумом в голове, а Васька уже варила кофе на кухне. И напевала. Ася не понимала, как можно просыпаться утром бодрой, свежей и петь.

Поэтому она не очень хотела так быстро съезжаться со Славиком. Боялась разочаровать. Обычно они встречались, когда Ася была собранной и активной, а для этого ей нужно было поворчать, выпить кофе, приготовить завтрак.

Хотя первая их встреча тоже не демонстрировала Асю во всей красе. Славик тогда пришёл на встречу с Анатолием Петровичем чуть раньше назначенного времени, поэтому секретарша не смогла его встретить и, ругаясь под нос, встречать пошла Ася.

Когда он повернулся к ней от конторки охраны, Ася поглупела моментально, и единственное, чего она захотела, так это чтобы он был такой же умный, как и красивый. Чтобы контракт подписали, и она могла на него... смотреть.

Только смотреть на него ей было бы достаточно – она тогда ещё ощущала себя вполне замужней женщиной и даже строила планы на отпуск.

Но Славик был красив запрещённой, книжной красотой. Высокий, намного выше Аси. В великолепно сидевшем на нём костюме.

Тёмные волосы и голубые глаза.

– Ася, ты же понимаешь, что это противоречит законам генетики? – сказал Рома, когда она рассказала про нового партнёра фирмы.

Ася не стала рассказывать, что ещё у Славика были губы. Очень красивые. Но при этом он был мужественным, и эта мужественность от него распространялась волнами.

Вполне ощутимыми волнами.

Когда он повернулся, Ася вместо запланированного холодного тона человека, оторванного от дел, глупо сказала: «Привет».

И больше, кажется, не сказала ничего, просто кивнула, развернулась и пошла в офис. Она так разнервничалась, что зацепилась каблуком за рейку в коридоре и чуть не рухнула – но красавец, конечно, успел её поймать, поставил на ноги и ещё долго и вежливо выяснял, как она себя чувствует.

– Как я могла себя чувствовать? – возмущалась Ася, когда пересказывала Васе сцену. – Полной и окончательной дурой, конечно. Сначала я на него уставилась, как школьница на знаменитого артиста, потом не смогла сказать ничего вразумительного, потом ещё и упала ему в руки. Всё было так пошло и банально, как в сериале. В жизни-то так не бывает.

– Да что ты так переживаешь! Ещё не известно, подпишитесь вы на сотрудничество с твоим красавцем или нет. Может, он тупой. Просто для вселенского баланса.

Но Славик, вопреки балансу, оказался не тупым и появлялся в их компании подозрительно часто. Ася старательно избегала его, пока он не записался у секретаря и не пришёл к ней с официальным визитом. И с цветами! На работе, на глазах у всех этот красавец притащился к ней с букетом. В синем костюме и начищенных ботинках. И был невероятно любезен. И говорил исключительно о цифрах и показателях.

Пристроил букет на стол со словами: «Это вам».

И сразу перешёл к цифрам.

Ася старалась не краснеть, но краснела, разумеется, и очень себя за это ругала. Она встала из-за стола, заметалась по кабинету, вызвала секретаря и попросила кофе, хотя никогда этого прежде не делала.

Как только кофе принесли, и секретарь вышла, Славик спросил:

– Я вам не нравлюсь?

– В каком смысле? – Ася чуть не подавилась кофе, который как раз пила, чтобы отвлечься и не думать всякой ерунды, недостойной замужней женщины.

– Вы меня избегаете. А Анатолий Петрович отдельным пунктом в письме отметил: связь только через «Хьюстон», через вас, то есть. А вы на связь не выходите, и никакого «Алекса Юстасу» не получается. А мы должны как-то... коммуницировать.

Асе стало стыдно. Но что она могла сказать: я чувствую себя глупо, потому что вы такой красивый, а я упала вам в объятия и даже рассказала об этом своему мужу, который, кажется, уже забыл обо всём, а я помню каждый день?

– Дело в том, – сказала Ася, решив быть откровенной и напугать его, – что я чувствую себя неловко, после того как чуть не упала там, в коридоре и вы меня так удачно подхватили. Мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что я специально, потому что потеряла голову, но объяснять такие вещи – глупо.

– А вы потеряли?

– Что? – не поняла Ася.

– Голову? Потеряли?

Ася всё-таки покраснела окончательно, перестала прятаться за чашку и посмотрела прямо в глаза красавцу – который слишком быстро стал для всех Славиком и этим бесил Асю отдельно – и сказала:

– Я не теряла! Я замужем. Если у вас всё, идите, Вячеслав Дмитриевич, я поняла вас и буду коммуницировать с вами в рабочем режиме. Ваша почта у меня есть. Всего хорошего!

– А я потерял, – совершенно спокойно сказал он. – И если можно, не зовите меня по отчеству.

И вышел из кабинета.

Сегодня у Аси роскошный выбор: помочь Славiku с переездом или знакомиться с родителями. Он уже в третий раз делал ей предложение и попросил, наконец, принять приглашение его матери на ужин. Она отказывала Славiku, потому что всё никак не могла найти чёртового свидетельство о браке, необходимое для развода.

Никакая мать, размышляла Ася, не будет рада тому, что её сын нашёл где-то пожившую и уже разведённую женщину, а не молодую нимфу с фигурой супермодели вроде той, что нашёл её муж. Бывший муж. Хотя, если откровенно, Ася сомневалась, что Эстер могла очаровывать родителей: слишком яркая, слишком шумная, слишком активная, слишком высокая, слишком красивая.

И худая. Этот пункт раздражал Асю больше всего, но она старалась об этом не думать. Ася не была худой и рядом с Романом иногда ощущала себя баржей, которая движется рядом с небольшой изящной яхтой. А вот рядом со Славиком она ощущала себя вполне хрупкой. Славик работал над собой и в смысле телесной оболочки, и когда он снимал с себя костюм... Ася покраснела и оборвала себя.

– Аська, что ты там возишься? На улице опять льёт, а мне уже пора. Ты там давай! Вставай! Ты финансовый директор! Тебе надо-надо. И, кстати, чтобы прочистить потоки, особенно финансовые, надо тут правильные благовония пожечь. Когда там твой новый въезжает? Хорошо бы паузу выдержать!

– А то я без тебя не знаю про паузу, – проворчала Ася под нос и добавила громче, – какие, к лешему, благовония? Работать надо для финансовых потоков! Иду.

Звонок в дверь Асю испугал. Славик? Ромка? Что-то случилось?

– Аська, к тебе пришли, – крикнула из ванной Васька. Должно быть, она уже позавтракала и пошла краситься.

– Слышу, – вздохнула Ася.

Она открыла дверь, не посмотрев в глазок.

– Привет, – сказал Славка и сунул Асе в руки очередной букет. – Мама велела передать, что никаких отговорок не примет. И что она имеет право увидеть женщину, на которой женится её единственный сын. То есть я.

– Вы женитесь?! – закричала Вася, выскочив из ванной. – Ребята, а вы в курсе, что двоемужество у нас законом запрещено? Духи предков нашьют на вас всякий геморрой, зуб даю!

– Василиса! – прошипела Ася.

– Ладно, может не духи и не на вас, но брак не регистрируют. Ты же ещё не развелась, мать, забыла? У тебя есть муж! Рома вообще в курсе твоих планов? А Марго?

Ася решила игнорировать Васю.

– А у вас был девичник? На вечную тему «Женское счастье и его бытовые атрибуты»? И почему коробки до сих пор здесь?

– Он сегодня всё заберёт. И мы не женимся. Пока. Проходи, – ответила Ася, закрывая дверь.

– Я просто подумал – у меня только одна сумка и чемодан с костюмами. Я принесу, и всё, считай, что я есть твой новый постоялец со всем функционалом! Слушай, может, мы сами ему вещи отвезём? – сказал Славик, протискиваясь в узкий проход. Он старался ничего не задеть, но коробки всё равно поехали и повалились на пол.

В одну большую кучу.

– Слава, а вы не теряете времени, – сказала Васька. – Я традиционно хочу быть подружкой невесты! Я уже всё умею, у меня опыт! Помнишь, как в прошлый раз ты поехала в другой загс и устроила там истерику – решила, что Ромка сбежал? Кстати, если вы продолжите в том же духе, можно прямо из подаренных вами букетов надёргать украшения для ресторана!

Вася сама посмеялась шутке и удалилась на кухню.

Ася оглядела коробки. Собирать всё снова она не хотела. Ещё меньше хотелось привлечь к этому Васю или Славика. В коробках не было ничего личного, но всё же это была часть её привычной жизни, которая совсем недавно казалась ей вечной. Жизнь развалилась, и коробки это демонстрировали.

Ася пошла на кухню и, осознавая всю преступность происходящего, подогрела кофе в микроволновке. Вася отвлеклась от чашки и что-то подробно объясняла в телефон про систему проплат и возврат средств при любых сомнениях. Ася очень мало понимала в том, как всё функционирует внутри фонда, в котором работала подруга, но знала точно: Вася работала двадцать четыре часа в сутки, так что её кофе то и дело остывал.

Славка возился с коробками в коридоре, пытался собрать всё обратно. Это хорошо, это правильно. Будет отвратительно, если Ромка увидит развалы и решит, что Ася от тоски разгромила всю эту коробочную крепость.

Что же ей надеть? Надо же впечатлять и располагать будущую родственницу. Обычно она мало думала о том, как одеваться. С Ромкой она носила джинсы, потому что все их социальные активности ограничивались прогулками по городу и просмотрами сериалов. У неё был целый набор специальной одежды: одинаковые платья и костюмы, которые всем сообщали, что она не просто так, а самый настоящий финансовый директор. И шпильки, которые хороши только в офисе, ходить в них по улице совершенно не выходило, она бы то и дело падала в объятия мужчин. Но сегодня ей предстояло ещё и знакомство с матерью Славика. Всё, что помнила о ней Ася – что та преподавала русский язык в каком-то вузе и всё детство заставляла Славика учить стихотворения наизусть в целях развития полушарий. Так что, если подумать, у привычки читать стихи были совсем не романтичные корни.

Славика это совсем не расстраивало, даже наоборот. Всё, что помогало выстраивать новые нейронные связи, он очень уважал. И испытывал детский восторг и негодование: каждый может стать лучше, но не каждый хочет. Ася к нейронным связям была не то, чтобы рав-

нодушна, но, в общем, могла обходиться какое-то время без целенаправленного их формирования.

Размышления Аси прервал дверной звонок.

– Я открою, – крикнул из коридора Славик.

Ромка, подумала Ася. И даже немного поёжилась. Оперетты она любила, но такие повороты хорошо наблюдать из зрительного зала.

– Да ничего нет страшного! – строго сказала себе Ася. – Да и не Ромка это, что ему здесь делать?

Она кинулась в коридор, услышав голос матери, которая с порога взяла на себя командование и пыталась распорядиться Славиком в том смысле, чтобы он грузил вещи аккуратнее и выносил, не торопясь. Маргарита Феликсовна сразу решила, что Славик просто такой специально обученный работник, чтобы таскать коробки.

– Мама?! – Ася протиснулась мимо Васи, которая с восторгом наблюдала за Славиком и Маргаритой Феликсовной. – Что ты здесь делаешь?

– Вот это приём, достойный любящей дочери, – констатировала Маргарита Феликсовна и прошла. Только она могла пройти мимо коробок, совершенно не переживая за потенциальные обрушения.

Из коробки выкатился рулон с плакатом, и Ася не вовремя вспомнила, что на нём был дирижабль – единственное средство передвижения, к которому у Ромки были нежные чувства, и они даже мечтали, что когда-нибудь... Впрочем, неважно, строго сказала себе Ася и пристроила рулон на самое дно коробки.

– Я буду кофе. Мальчик может быть свободен, – донеслось с кухни.

– Какой мальчик? – удивился Славик и оглянулся, словно рассчитывал увидеть там свиту.

– Мальчик, Славка, это ты, – объяснила Ася. – Мама, только не кури у меня на кухне!

– Где же мне, по-твоему, курить? – спросила Маргарита Феликсовна приглушённо, и Ася бросилась за матерью. – Здравствуй, Васенька, а что это у вас тут за собрание? Слёт юных техников?

– А мы, Маргарита Феликсовна, вчера с Аськой праздновали её расставание и статус свободной женщины, но недолго музыка играла! Ваша дочь встаёт на материнский путь, вот уже и жених! – сообщила Вася, заходя на кухню.

– Вася!

– Это большая честь – познакомиться с вами, Маргарита Феликсовна...

– Ну-ну, – произнесла Маргарита Феликсовна из кухни и ткнула в его сторону мундштуком с тлеющей сигаретой.

– Если мальчик не торопится, он тоже может выпить с нами кофе. Ася, в этом доме есть приличные пирожные? Или что? Ты тоже стала питаться праной и медитировать вместо ужина? Васенька, что ты там мостишься на подоконнике? Слезай и садись как человек. Сейчас мне, наконец, организуют кофе, и я вам сообщу настоящую новость. А не вот эту всю ерунду про развод с Ромочкой...

Ася закатила глаза, сунула матери под руку пепельницу, распахнула окно и поставила джезvu на плиту. Маргарита Феликсовна никогда бы не согласилась притронуться к разогретому в микроволновке кофе.

Славик откашлялся:

– Маргарита Феликсовна, позвольте мне представиться – Вячеслав. Я ухаживаю за вашей дочерью. И намерения у меня... – начал он.

– Ася! Какой вежливый мальчик, надо же! – перебила его Марго. – Я думала, в этом поколении совсем уже не бывает вежливых мальчиков, но нам повезло!

– Мама, – прошипела Ася. – Перестань разговаривать так, словно мы тут одни! И его зовут Славик! Сколько можно?!

– Асенька, девочка моя, я слишком стара, чтобы запоминать всех мальчиков поимённо. Мальчик на меня вовсе не обижается. И потом, разве «Славик» – это имя? Больше похоже на кличку для домашнего питомца. Особенно если питомец – шиншилла. Вы шиншилл, молодой человек?

Вася хохотала, запрокинув голову.

– Мама!

– Я всё равно останусь, Маргарита Феликсовна, – спокойно сказал Славик.

– Мальчик с характером. Прекрасно. Поздравляю тебя, моя девочка. Но где мой кофе? Ася готова была разрыдаться, вылить кофе матери на голову или исчезнуть.

– Зачем ты пришла, мам?

Маргарита Феликсовна выпустила тонкую струйку дыма изо рта, стряхнула столбик пепла и сказала:

– Мне нужна твоя помощь. Ты знаешь, моя девочка, что состояние моё ухудшилось, и я вынуждена...

Она выразительно посмотрела на Славика, пробарабанила наманикюренными пальчиками по столу, выбив что-то похожее на куплеты Эскамильо, помолчала. И продолжила:

– Вынуждена обратиться за помощью к самому близкому мне человеку. Впрочем, Роман уже поехал...

– Что? Куда поехал Роман?

– Вы больны?

Ася и Славик подскочили к Маргарите Феликсовне одновременно. Она поморщилась и помахала рукой:

– Молодёжь, вы бы не наседали. Сохраняйте дистанцию, как учат нас американские полицейские.

– Мама! При чём тут полицейские?!

– Маргарита Феликсовна, что случилось? – вступила Вася. – Нам надо уходить в глубокое подполье и держать оборону? Ася, я тебе говорила, что духи предков двоемужества не одобряют. Вот, началась месть праотцов!

– Ася, я не вполне уверена, могу ли я свободно говорить при мальчике, всё-таки это семейное дело... Васенька, ты на меня не обижайся тоже, но поклянись держать язык за зубами.

– Ромке же ты сказала!

– Мы с Асей скоро поженимся!

– Клянусь духом покойной бабушки, которая завещала мне свою книгу по белой магии, никому я ни слова...

– Когда вы говорите одновременно, я ничего не понимаю! Ну, раз мальчик хочет в семью, хотя я не понимаю зачем вам обоим это надо, я могу сказать, как есть.

Кофе зашипел, убегая из джезвы, и залил плиту.

– Боже мой! В этом доме я вынуждена обходиться не только без пирожных, но и без кофе! Ася, будь добра, налей матери кофе. С коньяком.

– В восемь утра?

– Да что у вас случилось-то?

– Какие вы нетерпеливые, молодёжь! Только Роман понимает, что меня не нужно перебивать, а нужно внимательно слушать и ловить каждое моё слово. Так вот. Ася, нам с тобой надо ехать за город, в старый дом Игоря. Я выяснила, что там есть клад. И это станет единственным утешением бедной брошенной женщине. Ну и средством к существованию, конечно.

– Клад? Надо сначала с предками договориться, ритуалы, свечи, просьбы! Иначе не найдется, – заявила Вася. – Я с вами!

Глава 4

Тореадор, тореадор, или Маргарита Феликсовна находит тетрадь

За окном поливал дождь, за стеной ревел перфоратор. Или какой-то другой ревуший инструмент – вот уж в инструментах она даже и не собиралась разбираться, тем более, сейчас, когда приходилось разбираться с собственной жизнью. Дождь и перфоратор идеально подходили для вынашивания планов мести.

Маргарита Феликсовна поправила шаль и сделала ещё один глоток из кофейной чашечки. Маленькая, хрупкая чашечка – практически символ её собственной несчастной семейной жизни, маленькой, хрупкой и разбитой! А разбивший эту самую жизнь подлец сейчас ошивался в Италии. И с кем! За это было отдельно стыдно. Ладно, если бы он, как все приличные люди, подцепил особу юную, молодую, длинноногую и теперь осыпал её подарками, а она бы за это обнимала его за живот и называла «мой котик». Подошла бы и актриса, красивая, страстная, неверная, которая бы трепала ему нервы, металась в неопределённости, бросала, подбирала, бросала снова и таким образом оживляла его скучный жизненный пейзаж. Подумав, Маргарита Феликсовна согласилась и на какую-нибудь «бизнес-леди», из числа тех, кто смотрит сурово и годам к сорока вспоминает, что можно уже и ребёнка завести. А ещё больше, чем «бизнес-леди», ей симпатизировала какая-нибудь художница со странностями. Поэтесса – это, пожалуй, уже слишком, будет ещё писать какое-нибудь «твоя любовь меня пронзила, как челюсти у крокодила» и что-нибудь про «жар плоти», плавали, знаем. Но вот художница... Сидела бы за мольбертом, писала бы маслом пейзажики... Или акварелью, поправились Маргарита Феликсовна. Даже лучше акварелью. Воздушнее. Иногда бы просила есть и рассуждала о гениальности. Отмечала бы изысканный иссиня-чёрный тон чугунной сковородки. Чем плохо?

Маргарита Феликсовна сделала ещё один глоток и поймала собственное отражение в зеркале. Зеркала в доме расширяют пространство, объясняла она заново каждому из мужей, и теперь отовсюду на неё смотрели Маргариты Феликсовны, изысканные и неповторимые. Крупные серьги, эффектная причёска, макияж, шаль...

– Красавица, – вынесла вердикт своему отражению Маргарита Феликсовна. – А паспорт мы никому не покажем.

Нет, с такой внешностью можно замахнуться и на шестого мужа. Вполне!

Однако сперва всё же разделаться с пятым.

В насыщенной событиями и мужьями жизни Маргариты Феликсовны случались самые неожиданные повороты, но только требование развода от пятого и последнего по счёту мужа повергло её в глубочайшее недоумение.

– У нас ничего не было, – докладывал седовласый муж Игорь Петрович, заделавшийся йогом, сыроедом и повышающий собственную трансцендентность.

– Ну и зря, – пожал плечами Маргарита Феликсовна. – И зачем тебе разводиться?

– Наши духовные пути несовместимы... – и дальше пошло что-то про мучеников, генераторов, натальные карты, Есенина и почему-то Наполеона.

На Наполеона Игорь Петрович тянул разве что ростом, о чём Маргарита Феликсовна и сочла нужным ему сообщить. Недо-наполеон убрался познавать внутреннее «я» через смузи в Италию, прихватив с собой её, Маргариты Феликсовны, личный позор: маленькое бледное существо неопределённого возраста с длинным тощим носом и писклявым голосом. Существо

напоминало бельё, с которого отстирались все краски и остались лишь намёки на них; зато питалось фермерской капустой без ГМО.

Сплошное разочарование.

Как мог её собственный, собственноручно отобранный муж оказаться мужчиной безо всякого вкуса?

– Аллочка, можешь ничего не говорить, – закатывала она глаза, раговаривая по телефону, – позор на мои седины.

– Рыжие?

– Уже каштановые. Как на меня посмотрят в приличном обществе? Лучше бы он оказался геем.

– Ну, ничего, – утешала Аллочка на том конце провода, дымя сигарой, – если что, адвокат у тебя есть. Обрисуй жизнь с капустой и без квартиры и прочих приятных мелочей, может, просветлится. В принудительном порядке. Счета отрезвляют.

Дружеская поддержка вдохновила Маргариту Феликсовну на активные действия.

– Тореадор, смеле-е-е-е-е! Тор-ре-а-адор, тор-ре-а-до-о-ор! Зна-ай, что испанок жгучие глаза-а-а...

Среди документов, старых инструкций, билетов на поезда, давно просроченных гарантийных талонов, «Юности», «Нового мира» и «Крокодила» оказалась толстая зелёная тетрадь, сшитая из нескольких самых простых, ещё с советских времён. Все страницы исписаны мелким почерком...

– Зна-ай, что испанок жгучие глаза-а-а... – Маргарита Феликсовна перевернула тетрадь обратной стороной. Ну да. – «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут». Ну и кто ты, октябрёнок?

Октябрёнок оказался женщиной, и, как выяснила заинтригованная Маргарита Феликсовна, спустя несколько первых страниц, Ольгой, матерью Игоря, тогда ещё Игорька. На дворе стоял конец восьмидесятых, перед родителями Игоря маячили смутные перемены; выкинув из головы «Тор-ре-адор» и отложив планы мести, Маргарита Феликсовна углубилась в чтение. Мать Игоря она не застала, та умерла несколько лет назад, и с тех пор, судя по всему, желания копаться в мусоре у него не возникло. Или он наткнулся и не счёл интересным? Как-никак, обычные бабские размышления: зашить колготки, достать курицу, муж из-за границы привёз магнитофон...

«Петя говорит, можно поехать с ним в ГДР. Мама уговаривает ехать: за Игорьком она присмотрит, а мы оттуда вдвоём больше привезём, чем по отдельности...».

Поехать в те годы за границу! Хорошо же жили! Её родители дальше Крыма не выезжали. Маргарита Феликсовна не без зависти перелистнула страницы. Подготовка, переживания, впечатления, люди, дома, магазины, цены...

Нервным размашистым почерком:

«Вчера произошло что-то странное...».

Да и весь день как-то не задался. Первое ошеломление от Берлина прошло, и ей уже было немного неловко об этом думать, но лучше бы их послали в настоящую капиталистическую страну. А тут она никак не могла найти подходящие джинсы, и стоило всё совсем недешево! Хоть выбор, конечно, больше, чем у фарцовщиков или в «Берёзке». Хорошо местным, могут получать визы и ездить в соседнюю часть города... А у них вокруг такие же социалистические республики, да и в те выбратся – удача. Выбить путёвку в Юрмалу или Палангу...

Мысли переключились на Игоря – как он там, готовится ли к поступлению? Покормить-то мама его не забудет...

Рядом громко заговорила парочка, и она вынырнула из своих мыслей. Ну вот, стоило задуматься, и уже заблудилась. Какая-то Bornholmer Straße... Людей вокруг словно прибави-

лось или ей показалось? На улице уже стемнело, но обычно сидящий в это время по домам немецкий народ вдруг высыпал на улицу, и почему-то шёл этот народ в одном направлении с ней. И машины – даже машины! – ехали в этом же направлении, и их тоже было больше...

Уж не демонстрация ли сейчас? Нет, сегодня не седьмое, и уж точно не май, а – ноябрь, но куда более тёплый, чем московский. Люди в джинсовых и кожаных куртках, плащах и свитерах шли, словно сговорившись, их становилось всё больше и больше. Может быть, объявили что-нибудь по радио? Или по телевизору... Она растерянно оглядывалась по сторонам. Если бы она знала хоть что-то по-немецки... Больше, чем «хендехох». «Хендехох» тут был явно неуместен...

Теперь, если бы она и захотела выбраться, то не смогла; толпа прошла мимо фонарей и витрин, вывесок и вставших намертво в пробку автомобилей, и вынесла её в толпу ещё большую. Люди вокруг оживились, стали говорить громче, но понятнее ничего не стало. Что происходит? Послышались какие-то выкрики? Восстание? Революция? Всё это не к добру... Прижимая локтем сумку покрепче, она попыталась увидеть время, но для этого пришлось поднести руку с часами почти к носу. Одиннадцатый час... Ох, что подумает Петя? Ничего хорошего не подумает. Надо как-то выползти обратно...

Тут все зашумели так, что она зажмурилась. Ой, теперь уж точно ничем хорошим это не кончится! Рядом вскидывали руки над головой. Что это? Из всего, что доносилось, она разбирала только «Берлин» и «Горбачёв». Что – Горбачёв? Мы взяли Берлин? Отдали Берлин? Что я здесь делаю, я же ничего не понимаю в политике!

На этой мысли толпа понесла её вперёд. На этот раз выбора, да и места, не осталось вовсе – её просто вдавило в какую-то девицу в плаще, потом в мужчину на две головы выше ростом, так что всё, что было видно, была его необъятная спина. Её медленно тащили вперёд за этой спиной, они шли и вставали, шли и вставали, и когда они встали в очередной раз, она увидела между чужими головами и машущими руками стоявших сбоку пограничников. Она взмокла. Вокруг свистели и орали. Да что же такое творится? Куда они идут?!

Над головой завис красно-белый шлагбаум. Рядом послышались щелчки: высоченный мужчина, прищурившись, снимал на фотоаппарат. Разве получится, в полутьме, да ещё в движении? Тут её снова подвинула толпа и прижала к кричащему мужчине:

– Die Mauer fällt! Die Mauer fällt! – и, обращаясь к ней, – Berlin ist endlich wieder eine Stadt!

– Их не ферштейн! – заверила его она.

– О, соотечественница! И вы здесь?

– Да... Пожалуй... Но исключительно случайно, – на всякий случай добавила она. – Что происходит?

– Вы не смотрели новости?! Сегодня сказали: можно посещать Западный Берлин!

– Да не может быть!

– В половине восьмого Гюнтер Шабовски объявил, всё официально!

– О господи! И что же, где это мы сейчас?

– Ну как же, – он махнул рукой на табличку с надписью Bösebrücke, – переходим мост.

– Какой ещё мост? Зачем мост?!

– Ну как же... Да вы не нервничайте, внизу железнодорожные пути, впереди Западный Берлин... Вы боитесь воды?

– Западный... Меня муж дома ждёт...

– Ничего, дождётся! – он повернул своё разгорячённое лицо к ней. – Вы только подумайте, при каком ИСТОРИЧЕСКОМ событии присутствуете!

– Я не хотела, – запротестовала она. – Я не люблю исторические события. У меня сын дома, в Москве...

– В Москве? Жаль, что не в Загорске, – прокричал он ей на ухо, потому как рядом опять начали что-то скандировать и петь. – У меня там клад.

Колени подгибались, а теперь она ещё и сходила с ума.

– В каком ещё Загорске? Какой ещё клад? Вы пьяны?

– Разве что от свободы! Liberté, égalité, fraternité! – и он попытался сделать взмах рукой, но пространство между чужими спинами этого не позволяло.

– Свобода, равенство, братство, – дежурно повторила она. – Но это французский.

– Видите, все народы чувствуют, что это такое!

– А я чувствую, что схожу с ума.

Впереди слышались крики на французском. Она сильнее прижала сумочку локтем и потёрла лоб ладонью.

– Откуда здесь французы? Мы что, уже во Франции?

Он наклонился к высокому мужчине в пальто и спросил его по-немецки, потом снова повернулся к ней:

– Нет, это просто французские жандармы, приветствуют нас! В Западном Берлине! Могли ли вы такое представить, соотечественница?

– Нет, – вздохнула она, – не могла.

– Подумайте об этом! Только подумайте! Эти люди, – он обвёл взглядом толпу, – эти люди объединятся, наконец, со своими родственниками, семьями, друзьями... Весь город станет единым, как и страна! Германия наконец-то станет свободной! А вам – возвращаться в СССР...

Так, ну антисоветские разговоры она вести не будет даже в растерянном состоянии посреди моста в чёрт-те куда.

– Да ладно, можете не убеждать меня... Все вы ждёте, когда это кончится.

Она не ждала, чтобы что-то кончалось. Ей хотелось, чтобы началось что-то новое, но в целом и так всё было неплохо. Стенку вот купили чешскую, японский магнитофон...

– Бедные вы, бедные, ограниченные люди! Подумайте, вот эти люди – и я вместе с ними – смогут завтра увидеть весь мир, обнять всю планету! А вам будет нужна для этого выездная виза...

– Так что там, в Загорске? – сменила она тему первой попавшейся не политической и не антисоветской. – Вы там родились?

– Почти! Там дом, – он оживился, хотя, казалось, дальше уже некуда было, – в деревне Веряжкино... Это, смотрите, сначала до Загорска на электричке, а потом оттуда на сорок девятом автобусе до конечной, и ещё пешком чапать километра три... Вот там самый крайний дом у берёзы – там такая огромная берёза стоит, мы туда каждый год на ветку качели привязывали. Доска, верёвка – а лучше всех городских качелей выходило! Эх, до чего ж хорошо было...

– Вы туда не вернётесь?

– Какое там! Нет, всё, баста! Теперь на Запад, сначала ФРГ, потом США... На нашу советскую родину я уже давно не ходок. А вы можете сгонять, забрать его.

– Родственники не пустят, – напоминала она ему. – У вас же есть...

– Да какие это родственники! Одно название! Боялись со мной за один стол сесть, делали вид, что меня и не существовало никогда. Эх, вот доберусь, может там выпущу книжку о своей примечательной биографии! Правда, у нас тут через одного такая, верно? А, не отвечайте. Значит, берёза, рядом грядки с картошкой, потом дом – обычный, деревянный, потом сарай – там кадки с огурцами, лопаты, вилы, сено убирают, как всегда, в общем. И вот там подпол... Не тот, значит, подпол, который в доме, а другой, в сарае, поняли? Вот там прямо в стене, в земле ящик. Он надёжный, металлический, плотный, словом – ничего с ним произойти не должно. А лежит там...

Маргарита Феликсовна задержала дыхание.

Да не может же такого быть! Небось, глупая байка. Надо быстро выкинуть из головы, пока не...

Она лихорадочно пролиставала страницы. Ольга тоже пыталась выкинуть это происшествие из головы. Но потом всё-таки не выдержала.

«Съездила в указ. место. Берёза стоит. Дом стоит, ветшает. Хозяева там не живут давно. За недорого отдадут. Дорого брать не за что...»

«Посоветовалась с Петей. Про тот случай ничего говорить не пришлось, сразу одобрил, деньги есть...».

«Съездила ещё раз. Сарай есть, но забит до отвала железками и хламом. Надо разбирать. Сначала к врачу...».

Врач посоветовал ей морской воздух и сосны, и с тех пор, видимо, мысли о невнятном сокровище ушли прочь, уступив прогулкам на берегу Балтийского моря; прожила хозяйка дневника, как припомнила Маргарита Феликсовна, куда дольше прогнозов.

Порадовавшись за неё, Маргарита Феликсовна через несколько томительных минут порадовалась и за себя. Повышающий трансцендентность Игорь на звонки пока ещё отвечал:

– Да, была какая-то развалюха... Да я там не был никогда. Что там делать? Ты знаешь, какая это глушь? Дорог нет никаких, а на всех этих электричках... Хочешь на природу?

– Да, – сказала Маргарита Феликсовна, глядя на зелёную тетрадь, и, распрощавшись, замурыкала под нос, – торре-а-дор, торре-а-дор!

Глава 5

Люди и рыбы

Роман ехал в метро, зажатый сонной утренней толпой, и сам сонно и мучительно пытался осознать, куда и зачем он едет. Ехал точно не на работу: после звонка королевы Марго он раскидал работу на сегодня по остальным и предупредил, что сегодня отсутствует по семейным обстоятельствам. Последняя часть прибавлялась уже на автоматизме; впрочем, тёща всё ещё считала его семьёй и отказ бы не восприняла. Дом так дом, клад так клад. Роман поехал бы и по менее внушительным поводам, чтобы развеяться и отдохнуть от переезда, мучительно неловких столкновений с Асей и рабочего процесса. Рабочий процесс в последнее время вызывал беспощадное желание убивать, желательно голыми руками, или как в тех голливудских фильмах, когда от одной пули все враги разлетаются по сторонам, кровь, кишки, враги повержены, и всё это под эпический саундтрек.

Эпические саундтреки он любил.

Гораздо больше, чем работу. Роман уткнулся в открытое на телефоне расписание электричек, старательно игнорируя уведомления и цифры непрочитанных сообщений в мессенджерах. Электронную почту он уже давно считал изобретением дьявола.

В электричке телефон ещё и зазвонил, а затем пришлось всё же выходить в еле ловящий посреди берёзок и платформ «Какой-то там километр» интернет. Последний, впрочем, решил его защитить, и Роману пришлось оставить попытки и сидеть вместе с дачниками всех сортов, от бабок с тележками и корзинками до заливающихся визгом младенцев. Всё это великолепие освещало солнце, поджаривая макушку через стекло и мешая читать Дарелла. Наконец электричка, ухнув, остановилась в Сергиевом Посаде, который Маргарита Феликсовна по старинке называла Загорском, вывалились из неё дети, рыбаки, пенсионерки, подростки с велосипедами и прочий разнообразный народ. Вывалился и он. Нашёл автостанцию, купил билет на автобус, пристроился у караулящей его толпы и вернулся к рабочим будням.

«Ни какого результата устраивающего не вижу!?! ЭТО НОРМАЛЬНО?».

Это нормально, мысленно согласился Роман. Вот писать безграмотно, окончив среднюю школу и со встроенной уже в каждый будильник проверкой правописания, не нормально. В этом отношении Роман был непреклонен, и Ася его отношение разделяла: потом, не когда они познакомились, а когда уже стали жить вместе, рассказывала, что какие-то другие нероманы писали ей «симпотичная» и «что делаешь». Да и сейчас... то есть раньше, когда ещё... В общем, они иногда переписывались как два идиота, до сих пор где-то хранилось всё это, вместе с миллионом сообщений, фотографий и смайликов:

– кстате что на ужин я есть хочу???! – выводил Роман, старательно избавляясь от заглавных букв.

– Ни чего незнаю, работать то надо..... Люблю тя любимка

– Как-то бедненько. Два однокоренных почти подряд.

– ну зай ну чё ты??... хочеш бургер... Из Мака?!!!

– хочю, кисулька!!!!

– Мои глаза! Прекрати.

– Двойной бургер? И картошку?

– не ну я не знаю.....

– Ладно-ладно. Без картошки.

– Жди:)

Автобус подъехал, остановился, шевельнул занавесочками, и толпа пошла брать его на бордаж. Роман признал заведомое поражение перед боевыми бабками, утрамбовывающимися со всем своим скарбом и вжимающих остальных в стены, и бледненько потащился за ними в надежде где-нибудь встать. Ему даже повезло уцепиться за поручень до того, как автобус заурчал, попятился, развернулся и, решительно разгоняясь, двинулся навстречу сельским красотам. Проплыли за окном белые стены Троице-Сергиевой лавры, появились золотые купола, а за ними синие в золотых звёздах, и потом всё исчезло, потянулись улочки из деревянных домов, а потом – поля, поля, поля, разбавляемые деревеньками, мостами через мелкие речки и причудливых форм советскими остановками. Иногда вокруг них Роман, как ни силился, не мог разглядеть жилых строений – лишь поля или непроходимый лес по обеим сторонам дороги – и тогда ему казалось, что люди, выбирающиеся из автобуса, собираются на этой остановке и жить; но люди, конечно, просто шли себе по невидимым тропинкам в неизвестную Роману жизнь.

Жизнь же известная не оставляла его в покое.

– Я не буду делать это синим шрифтом на чёрном фоне.

– А я ей говорю, сделай уже любим!

– Они поставили цены в японских йенах.

– Это не продающая фотография!

– Что значит – «поиграйте со шрифтами»?

– А кнопка «узнать ещё» ведёт в гугл.

– А что мне делать, если у меня текста нет?

– Я выслала текст! Вчера в три часа ночи. Файл «финальное_совсем_28—9»

– В папке «Версия 1», «Версия 1.1» или в папке «Первая версия»?

– Объясните кто-нибудь ему, что нельзя использовать в продажах бизнес-тренингов шрифт для комиксов!

– Роман, я не могу работать с этими людьми.

– Он не может! А с тобой что, кто-нибудь может? Ты вчера три часа доказывал, что у сайта есть английская версия, и так её и не нашёл!

– Я какбы жду результат!!!!

Роман смотрел на телефон с чувством глубочайшего отвращения. Сильнее всего в такие моменты хотелось сложить руки на груди крест-накрест и сказать: «Я в домике» – волшебное детское заклинание, защищающее от всего дурного во время игры, но никак не спасающее во взрослой жизни. Когда они с Мишкой сидели и мечтали о светлом будущем, он и не догадывался, что светлым внезапно станет прошлое, и он будет скучать по бессонным ночам, погоней за первыми клиентами и отмечанием оплаченного заказа пивом на кухонных табуретках. Разбогатели, купили стулья, технику, начали нанимать людей, Мишка превратился в Михаила Семёновича, отпустил бородку, выступал на IT-конференциях и обзавёлся аж тремя потомками. А Роман ностальгировал по временам, когда всю работу ещё можно было делать одному и хорошо. Почему-то у целой оравы это получалось криво, косо, и все они успевали переругаться за то время, пока он спал или обедал. Многочисленные труды по управлению командой, повышению мотивации, целеустремленности и КРІ нагоняли на Романа сон и никак не объясняли, почему по отдельности, кажется, не совсем глупые люди вместе превращаются в непонятную массу, которая вместо решения проблем плодит новые. Мишка предлагал ему походить на какие-нибудь тренинги, но и без них Роман прекрасно мог сказать, что руководитель из него так себе, и он никогда не хотел вести людей в светлое будущее и мирить дизайнера Машу с менеджером Колей, отсутствием художественного вкуса у заказчика и в целом с несовершенством мира.

Книги предлагали говорить о цели, миссии и истинных ценностях. Роман ощущал не то издёвку, не то лёгкую оторванность от реальности. Истинная цель у них всех приходила два

раза в месяц на карточку, а без очередного магазина эротических финских теней или познавшей Женское Естество Владычицы Лилуандры (оставьте свой email и получите свой Энергетический Прогноз в год Змееносца) мир мог и обойтись.

Автобус подпрыгнул пару раз и свернул с основной дороги на дорогу слабохарактерную, состоящую из гравия, чередующегося с бетонными плитами. В окне помаячила неизвестная руина этажа в три с растущей на крыше берёзкой, затем мелькнул чёрный сгоревший дом полностью без крыши; побежал за автобусом, но отстал рыжий пёс. Блеснуло длинное, ленивое озерцо, вытянувшееся вдоль дороги и окружённое разнокалиберными постройками, потом кирпичная церковь с приставленной к стене тощей деревянной лестницей. Так и держа телефон в руке, Роман с любопытством разглядывал мир, похожий на деревенский мир его детства, как брат-близнец, разве что спутниковые антенны, иномарки и большие надувные бассейны, попадавшиеся за заборами, вносили свежую ноту. Сам он после смерти бабки уже давно никуда из городов не выбирался – родителей ездил навещать в Саратов, а всё остальное – работа, Ася, жизнь – уже прочно вплелось в Москву. Королева Марго по-королевски отмахнулась от его нестоличного происхождения, заметив, что в Саратове жил Янковский, и тем тут же вызвала у него, нервничающего так, что ладони потели и тряслись, непреодолимую симпатию.

Понравилось бы Марго здесь? Он хмыкнул, вылезая на конечной. Запахи и звуки тут же окружили: жужжание, стрекотание, шумные родственные объятия на остановке, детский визг и неразборчиво поющее вдалеке радио. Снова взглянул в телефон, осторожно переключился на карту, чтобы не угодить в почту или рабочий чат, и, помотав головой, пошёл в направлении деревни Веряжкино. Главное сейчас было успеть обернуться до вечера – в семь уходил последний автобус. Несмотря на оптимистический настрой Марго, Роман ожидал увидеть разграбленные развалины. Как ещё может выглядеть дом, в который никто годами не ездил?

Село, в которое прибыл автобус, осталось за плечами, и вокруг наступила тишина и красота. Никаких высотных домов, в которые упирается взгляд, жарковато, но после Вьетнама – ерунда. Роман легко отмахал две трети пути, как телефон снова затрезвонил и на этот раз пришлось ответить. Заказчик шумно жаловался на результат: нет, ну просил же синий и на чёрном! И тем весёленьким шрифтом, да. Поубеждав и поизвинявшись, Роман дошёл до поворота, на котором угнездилась маленькая деревенька в три дома, и, завидев колодец, хотел было хлебнуть ледяной воды, но колодец – ещё одна примета нового времени – был заперт на замок. Смирившись, Роман снял рюкзак, опер его о деревянную крышу колодца и стал нашаривать одной рукой нагревшуюся бутылку, другой рукой убеждая соратников ублажить клиента в соответствии с его, клиента, запросами. «И проявлять креатив и оригинальность в другом месте!!!», – написал он и, поколебавшись, стёр. Заменял на «Пожалуйста, постарайтесь закончить сегодня:»). Убрал смайлик, чтобы подчеркнуть серьёзность момента.

– Вы воды хотели?

– А? Нет, я... – Роман отправил сообщение и поднял взгляд. Перед ним был совершенно рыжий парень, его ровесник, с удивительно деревенским лицом, включая широкий нос картошкой, на котором выделялись старомодные профессорские очки. Одет он был по-человечески: в заляпанную пятнами футболку, серые шорты в зелёной краске и шлёпках.

Роман объяснил, что воды из колодца ему не так надо, как добраться в Веряжкино, и новый знакомец тут же махнул ведром в сторону спускающейся дороги:

– Так это ж совсем рядом! Два шага пройти. А что ж вы, в первый раз? К кому, если не секрет? Так если вы подождёте, вместе пойдём. Только воды натаскаю. Да и напьётесь.

Роман посчитал своим долгом ответно предложить помочь с водой, и за несколько ходок от колодца к дому бабы Тони, деловито указывающей, куда лить, они с незнакомцем успели разговориться.

– Вьетнам? Ну, чума, – с восхищением глянул тот. – И что, прям жили? А мухи там ядовитые или где?

– Нет, – отказался от подобных предположений Роман, – там браконьеры.

И часть пути к Веряжкино он посвятил прояснению Яну происходящих во Вьетнаме событий. Ян, в отличие от некоторых, вовсе не посчитал занятие Романа бессмысленным.

– Нужно следовать своему пути – я так считаю, – он разрубил рукой воздух. – Я вот про себя давно понял: есть цель, значит, надо к ней идти! Кнорозова знаете?

– Нет, – признался Роман.

– Ну как же! – огорчился Ян и даже притормозил. – Великий советский учёный! У него ещё фотография с котом.

– Не знаю, – устыдился собственного невежества Роман.

– Не суть, – отмёл его страдания Ян. – Дешифровал письменность майя, даже не выезжая в Мексику! Сидя в СССР, и безо всякого гугла. А между прочим, Шельхас, немец, сдался. Дескать, невозможно!

– О, – сказал Роман, начавший что-то подозревать. – А вы чем занимаетесь?

– Всем, – Ян сделал жест Царевны-лебедь, выпускающей лебедей из рукава. – Во-первых – манускрипт Войнич. Но! Я не распыляюсь, – тут же уточнил он, – у меня система! Так вот, манускрипт... Дано: неизвестный автор, неизвестный язык, неизвестный алфавит. Но есть иллюстрации...

Оставшийся отрезок пути Роман не заметил, поглощённый рассказом. Его уже подмывало рассказать о кладе, который умудрилась на расстоянии найти в заброшенном доме Марго, но он героически сдержался. В деревне заброшенных домов было несколько, но с помощью Яна нужный дом нашёлся – вернее, нашлась его крыша, торчащая из полностью заросшего кустами и деревьями участка. В зарослях крапивы маячил кусок повалившегося забора, за кустами шиповника, предположительно, была калитка, но как не то что войти в дом, а просто пробраться к двери, Роман пока представлял с трудом.

Ну, во всяком случае, дом точно стоял.

– Переночуйте у меня, если хотите, – предложил сосед, которому пришлось прервать рассказ о «космологическом» разделе рукописи на полуслове. – Тут поговорить толком не с кем.

Роман поймал на себе придирчивый взгляд бабки, высказывающей что-то бродившим вдоль забора курам и петуху.

– А то ж вы сейчас туда не пролезете, – подтвердил его догадки Ян. – Чтоб до автобуса. А так возьмём инструмент, у меня в сарае и коса есть.

Роман попытался взвесить все за и против, глядя на кусок крыши с трубой. Возвращаться к Марго ни с чем не хотелось. Видимо, зря он решил, что дом уже просто превратился в груды брёвен – дом, как минимум, стоял. И если сам Роман слабо представлял, как в него влезет, вполне возможно, что и другие милые люди либо уже всё оттуда вытащили, либо так же не смогли. В любом случае проверить это в ближайшие часы представлялось малореальным. Положим, они пролезут внутрь, но что с дверью? С замком?

Потом, город. Что – город? Ася в нём со своим Славиком. Эстер с насыщенной личной жизнью. Работа... работа и тут его найдёт. Полудохлого местного интернета как раз хватит, чтобы сообщить, что он непредвиденно задерживается, и периодически писать «сделайте уже что-нибудь» в различных вариациях.

Он посмотрел на небо. На нём не было ни облачка; небо, как и всё остальное вокруг, намекало, что май, вообще говоря, и был создан для того, чтобы дышать свежим воздухом, пить воду из колодца, разговаривать о загадочных рукописях, искать клад в заброшенном доме и заниматься другими замечательными делами, какими занимаются все нормальные люди лет до двенадцати.

– Тут речка есть, – встрял Ян в его размышления. – Во-о-он там, там маленький лесок, а за ним... Вода чистая!

– Мелкая, небось?

– Нормальная, – возмутился Ян, рыцарски вступившись на защиту чести речки. – Даже омут есть под мостом! Тётку моей бабки туда чуть не затащило, полдеревни вытаскивало!

– И что, рыба водится?

На лице Яна возникло выражение заговорщика, который услышал кодовое слово.

– А что, ловите?

– Ловлю, – не стал отпираться Роман.

– Удочкой, спиннингом?

– Всем, – скромно сказал Роман. – Вытаскиваю, правда, мало – у нас дед был по этой части... Но ловить люблю.

– А если завтра в шесть? Удочку найду.

– Замётано, – окончательно сдал позиции он. Всем был хорош Вьетнам, но никак не был Московской областью, а обычной, даже скучной рыбалки в средненькой российской полосе с мелкими рыбёшками и утренними туманами уже давно жаждала душа Романа.

Он аккуратно переключился от всех чатов к смс и написал Марго: «Приём! Объект зарос по крышу. Задержусь до завтра».

Сразу же, словно она только и дожидалась его сообщения, пришло: «Роман! Я догадывалась. Едем с Асей и её шиншилом на выходных. Найдите пилу».

Роман вздохнул. Видеть Асю лишний раз не хотелось, не говоря уже о «шиншиле». С другой стороны, утешился он при виде продемонстрированной Яном удочки, до выходных можно прикладывать минимум усилий по обнаружению в зарослях дома, и максимум – по обнаружению в речке рыбы, а в неизвестных письменностях – смысла.

– А вы здесь надолго? – спохватился он.

Ян отмахнулся:

– До августа. Я же учитель, каникулы... Я не говорил?

Сообщив Мишке, что задержится, и отправив работничкам сообщение «СИНИЙ ТЕКСТ НА ЧЁРНОМ ФОНЕ» несвойственным ему, и оттого, он надеялся, пугающим стилем, Роман выключил телефон.

Глава 6

О любви к родному краю

Выезжать решили пораньше. Ася начала было дискутировать, предприняв попытки вовсе не ехать – но Маргарита Феликсовна была настроена решительно:

– Только представьте, дети, как прекрасно мы проведём время! Никаких этих ваших дел-лайн! Только природа. Раздолье – рыбалка, шашлыки, земляника, полевые цветы... Чистый воздух, колодезная вода!

– Антисанитария, никаких удобств, комары и добираться полсуток! – добавила Ася.

– Там наверняка сохранились нетронутые вещи прежних хозяев! Мы просто вызовем духов и спросим, где искать клад!

– Вася! Какие духи!.. Ну хорошо. Мы поедем просто чтобы убедиться, что там ничего нет.

Асе стало немного стыдно, потому что она не хотела ни в чём убеждаться и перспектива стать кормом для комаров её мало привлекала. Последний раз «на природу» она выезжала с Ромкой. Давно – когда она даже представить себе не могла, что они перестанут быть вместе. Тогда вместо рыбалки, которая значилась официальной версией, они дурачились, купались и целовались до головокружения.

Но к переезду Славика, который они запланировали как раз на праздничные выходные, Ася была готова ещё меньше. Уехать в глушь на поиск мифических сокровищ было вполне сносной альтернативой. Ася сдалась, но всё ещё демонстрировала недовольство, выпроваживая Маргариту Феликсовну собираться в деревню.

– Мама, пожалуйста, помни, что это не курорт! – прокричала Ася вслед царственно удаляющейся матери.

– Девочка моя, как тебе не совестно учить мать! Подумай про яйца с курицей!

И даже не обернулась.

Ася повздыхала и села писать список. Вася пристроилась рядом, усевшись прямо на стол. Славик немного потоптался в прихожей, но вернулся на кухню и объявил:

– Я тоже поеду! Надо только уточнить у папы, где у нас котелок. Мой папа... Помнишь, я рассказывал? Отличный турист! У него даже есть собранный рюкзак со всем необходимым. Интересно, он его даст?

– Зачем? – Ася к такому не была готова.

– «В рюкзаке моём сало и спички... и Тургенева десять томов», – пропела Вася.

– Книги обязательно брать! – серьёзно отозвался Славик. – Вероятно, у нас не будет времени читать. Вперёд, через тернии к кладам!

Ася не стала отвечать. Она ничего не знала про то, как Славик может приспособливаться к суровым условиям русской деревни. Она и сама была не уверена, что знает, как справляться с бытовыми трудностями вроде отсутствия постоянного доступа к горячей воде.

Славик ушёл куда-то вглубь квартиры. Искать походные рюкзаки на антресолях? Тренироваться разводить костёр без спичек или собирать из пледа спальный мешок?

Асе хотелось позвонить Ромке. Узнать, как там обстоят дела на самом деле, а не в интерпретации матери с этими лубочными зарисовками про парное молоко и грибные дожди. Но она не могла. Во-первых, это казалось ей неправильным по отношению к Славику, во-вторых... Дальше даже думать не хотелось. Что она, не справится без подсказок бывшего мужа?!

Вася перегнулась и зашептала:

– Пиши «палатка складная, две шэтэ». Кстати, надо бы ладана взять с собой. Я читала, что даже ароматы с ним очень хорошо помогают... Видела в одном индийском магазинчике ароматические палочки с ладаном, специальные. Уже не успеем купить...

– И ты, Брут?!

– Я совершенно точно тебе говорю, вы без меня там ничего не найдёте. Клады обладают особой энергетикой... Когда человек прячет дорогое ему нечто, он создает оболочку из энергии вроде ауры, чтобы других от тайника отвести...

Ася оторвалась от списка. Она очень живо представила себе, как Васька ходит в белых одеждах по полуразрушенному дому, жжёт ароматические палочки, бьёт в бубен и завывает своим грудным голосом что-то вроде «Turn off the light, take a deep breath and relax» с придыханием и паузами, прямо как в треке Enigma.

– И потом, – зашептала Вася, и её кудри стали мелко вздрагивать, словно соглашаясь с хозяйкой, – Феликсовна на лоне одичавшей природы, ты и два твоих мужика. Свихнёшься, гарантирую! К тому же смотри, какие шли дожди! Да мы там будем неделю варить грибной суп! Надо бы картошки купить по дороге, и побольше. Что ещё там может быть? Мы можем разводить костры, но если дождь... Эх, я недавно отдала свою керосинку! Надо плитку найти. Там хотя бы электричество есть?

– Васька, я не знаю ничего! Я не хочу никуда ехать! У меня работа, Славик с мамой-филологом, дурацкое свидетельство не находится, а без него не разводят!

– Не бузи, Ася! Это же приключение! Ну чего тут торчать? И никуда твоя работа от тебя не денется! А если ты потеряла что-то важное, то надо вот что...

В комнате что-то громыхнуло и рухнуло. Ася вскочила, Вася кинулась следом, и обе они чуть не налетели на Славика, который как раз двигался в сторону кухни:

– Спокойствие, только спокойствие! Это я просто проводил розыскные работы. Наша служба и опасна, и трудна. Оказалось, что видна тоже прекрасно.

– Вы уже бы Незнайку цитировали, что же вы всё Карлсона, – сообщила Вася и вытянула шею, разглядывая произошедшее.

Ася стиснула зубы. В центре комнаты лежал книжный шкаф. Содержимое покоилось под ним разноцветной хаотичной кучей. Две рамки с фотографиями лежали у противоположной стены, а на полу живописно блестели осколки «снежного шара».

– Ого! Ну, вы молодец, Слава, – восхитилась Вася. – Сейчас вас будут бить. Возможно, ногами.

– Асенька, я сейчас всё-всё поправлю, и будет даже лучше, чем...

– Лучше? – процедила Ася. – Например, расставишь книги в алфавитном порядке? Что ты там делал?

Когда Славик признался, что хотел найти свидетельство о разводе, Ася побагровела, а Вася, фыркая, ушла в кухню.

Ася выгнала Славика после того, как он поднял шкаф, и они оттащили коробки в комнату. Всё равно в ближайшее время Рома их не заберёт.

Как только Славик ушёл, а Ася вернулась к списку, Вася, наоборот, пробралась в комнату и, стараясь не шуметь, поставила все вещи в шкаф, собрала осколки и вернула на место поцарапанные фоторамки.

Ася подышала, считая время вдоха и выдоха, и написала план. Планы удавались ей лучше всего остального. Казалось, раз можно правильно спланировать, то всё будет хорошо.

Она прикинула, сколько дней они там пробудут (хорошо бы успеть всё за праздники, но можно не спешить, тогда можно отложить переезд Славика к ней на неопределённый срок), сколько нужно взять вещей (на всякий случай надо взять и для матери вещи попроще – конечно, они будут ей велики, но всё же лучше, чем шелка сложносочинённых форм из Милана или Парижа) и еды – интересно, простая деревенская еда укладывается в каноны правильной

и здоровой жизни, или надо будет набрать с собой специальной еды для Славика (чёрт, как про породистую собаку рассуждать приходится).

Арендовать автомобиль, потому что на изящной Тойоте, к которой привык Славик, они не доедут даже до следующей станции. Ну, хорошо, пока будут станции, Тойота может и будет справляться, а как она поведёт себя на дороге, про которую Маргарита Феликсовна изящно выразилась «потом немного прямо от села, и мы на месте», Ася не хотела даже фантазировать.

Но Славик внезапно упёрся. И выехали на его Тойоте они не так рано, как планировала Ася – она уже вся извелась, и попытки Славика её успокоить только ещё больше заводили. Когда они расселись, выяснилось, что магнитола сломалась. Можно было слушать радио, но очень скоро оно захрипело и захлебнулось. Вася описывала Марго все обряды, которые изучила, чтобы уж точно уговорить духов поделиться кладом, Маргарита Феликсовна мастерски изображала живейший интерес.

Ася изнывала рядом со Славиком. За окнами показывали настоящую жизнь, от которой она немного отвыкла. Дорога сначала была вполне сносной, мелькали похожие на ближайший московский пригород новостройки, которые сменялись дикими участками: то пустырями, то полесками.

Всё было зелёным. Дожди не дали траве пожухнуть, поля были покрыты цветущими голубыми цветами. Хотелось открыть окно и проверить, отличается ли воздух от городского. А ещё хотелось остановиться среди такого поля и побыть там, чтобы понять, что делать дальше с этой новой историей о сокровищах и с жизнью вообще. Ася вспоминала, что раньше именно на природе она успокаивалась, переставала дёргаться, спешить и начинала просто жить.

Начались редкие подворья: в одних копошились куры и бегали собаки, другие стояли серыми и пустыми, заросшими по самый штакетник дикой травой.

Когда они доехали до Сергиева Посада, Ася почти засыпала. Но тут оживилась Маргарита Феликсовна и стала настаивать на экскурсии по городу, а лучше – по Лавре.

– Мама! Ты ещё матрёшек купи! Давайте уже поедем дальше!

– Ася, думать надо не только о себе, но и о близких. Мальчик, вероятно, совсем замутился от тяжёлой работы, вести машину – это не бумаги перекладывать.

– Мама! Славик вовсе не перекладывает бумаги!

– Ася, мальчик вполне умеет говорить, я сама слышала! Зачем ты лишаешь его возможности показать, какой важной работой он занимается там, где ухаживает за замужними женщинами! И потом, – не дав Славiku ответить, с напором продолжила Маргарита Феликсовна, – нам непременно надо найти приличное заведение и поесть человеческой еды! Или ты, дорогая, полагаешь, что в деревню можно будет заказывать эти ваши невразумительные суши?!

Ася вздохнула. Славик послушно свернул к центру города.

Маргарита Феликсовна велела «швартоваться» возле «Вишнёвого сада», заявив, что нашла недурные отзывы в интернете и желает испить чаю из настоящего самовара. Вася поддержала её с энтузиазмом. Ася к этому времени перестала разговаривать даже со Славиком.

Здание выглядело подозрительно аккуратным. Выше едальни, которая была сразу и арт-кафе, и караоке, располагалась гостиница «Русский дворик», хотя русского в облике было довольно мало: из окон лезли листья пальм, а на подоконниках и по фасаду висели аккуратные горшочки в витых подставках.

Внутри тяга к богатству с позолотой спорила со стремлением осовременить помещение в популярном стиле «лофт». Оставались и позолота, и голые кирпичные стены. Чай подавали не просто в самоварах, небольших и раскрашенных под городецкую роспись, но и в таких же весёлых чашках с блюдами.

Маргарита Феликсовна ликовала и пировала. Она заказала уху и оливье, отказавшись от вариантов кавказской кухни, которую отчаянно нахваливала официантка в костюме, имитирующем русский сарафан с некоторым немецким уклоном. Потребовала водки, чтобы затея

(тут она понизила голос и обвела всех взглядом) удалась, и никто не ушёл обиженным. Потом заказала самовар чаю и очень испугала официантку, попросив рассказать, как именно он функционирует.

Славик выразительно уставился на графин с водкой, аккуратно придвинул его в сторону Васи и Маргариты Феликсовны и что-то такое пробормотал про алкоголь, жару и давление. Ася покивала.

Славик начал подробно рассказывать про сомнительную пользу салата оливье, который к настоящему оливье имеет такое же отношение как гоголь-моголь к лекарствам.

Маргарита Феликсовна очень быстро его перебила и тоже подробно рассказала, что несварение и прочие проблемы с желудочно-кишечным трактом, за сохранность которого так ратует мальчик, случаются только и исключительно тогда, когда за столом ведутся разговоры про еду в уничижительном ключе.

Ася даже немного сочувствовала Славику. Наставить Марго на путь правильного питания и непрерывной заботе о нейронных связях не удавалось никому. Но Славик этого не знал и продолжал, не сбавляя гусарского напора, приводил исследования, поминал достижения народного хозяйства, и все его подачи Марго отбивала очень язвительно и обидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.